

«...ГИБКИЙ СТАН,
НЕ ГНИСЬ И НЕ КРИВИСЬ
Я В СЕДАНКЕ ПОСАДИЛ
БЕРЕЗКУ —
ЯРЧЕ И БОГАЧЕ
СТАЛА ЖИЗНЬ.»
(Владимир КОЯНТО).

ЕЕ ПРАБАБУШКА жила в верхней Старой Седанке, там же родилась и бабушка, Иллариона Гавриловна. Вот уже лет двадцать, как Седанка «переехала» вниз по течению Тигиля, и мать Тани, Клавдия Климова, вместе с семьей поселилась в новой Седанке.

И Тани Климовой рассказывать о родном селе — это значит говорить о близких и родных. Отец ее пришел в этот край давно, полюбил его, сделал на всю жизнь своим домом. И росла его дочь, Татьяна, на берегу Нананы. И вместе с языком людей училась понимать голоса воды, напевы трав, приливы ветров. Осенью в перу жимолости, смородины, голубики, грибным утром она часто бродит в окрестностях и порой ей чудится, что узнает каждый новый стебелек.

За несколько дней до нашей встречи Татьяна Климова вернулась из Магаданской зональной комсомоль-

ЧАЕВАНИЕ В СЕДАНКЕ

ХОТИМ мы того или нет, но уже с детства у нас есть то же раззолоченная фаянсовая рама, в которую мы вставляем свое представление о дальних краях. Там должно быть все по-другому, плохо или хорошо, но совсем иначе, чем здесь, где нам выпало жить. И когда, наконец, мы отправляемся в странствия, невидимым, но не разлучным багажом берем мы с собой театрально-романтические, величественные атрибуты запрограммированного воображения. Это сасеобразные линзы, сквозь которые нам предстоит увидеть в первые дни приезда ТО небо, ТЕ дома, ТЕХ людей.

Потом прозреваешь: оказывается, что вечные истины, в свете которых живет человек, ни в коей мере не зависят от географического положения населенного пункта. И что люди различаются не по тому, где они живут, и не по роду занятий, а по тому, как принимают, как объясняют окружающий мир.

Это небольшое предисловие к рассказу о национальном корякском селе Седанка мне кажется необходимым. Для того, чтобы читатель правильно принял мой рассказ, увидел в далеком краю знакомых ему людей.

Этим высоким весенним дом оленеводов, да большую часть года пастух Анатолий стал членом Коммунистической партии.

— Домой придем, родители поздравлять будут.

— В авене нашем, четвертом, ждут меня сегодня. Есеев, наш звеньевой, Икава Иван Акилович, хороший пастух, Григорий и Анатолий Гвагины, комсомольцы, вместе в Паланском СПТУ учились. Вот — моя семья, а родители давно умерли.

— Один ты, без братьев?

— Сестра Вера есть, третьеклассница.

Хвосты ветра нагоняют на воду твердую рыбь. Солнечно, желто-воздушно плывут в синеве облака, напоминала диких озерных лебедей. И в такт гулкому небу, как бы подпевая реке, говорит Анатолий о жестокой зимовке, о том, что снег был, как стол. Пришлось кочевать в хребты, в сторону морского берега уже в феврале. Ничего, без потерь обошлось, 1.150 оленей, как было с осени, так и сохранили.

В руках Анатолий держал большой сверток.

— Что это у тебя?

— Сапожки резиновые, детские, Вере на день рождения.

Не ошиблись секретарь парторганизации Седанки Лидия Евгеньевна Варанникова, оленевод Эп-Эп Лелкевич Авинов, киномеханик Виктор Айе, давая комсомольцу Анатолию Акееву рекомендацию в партию. Взрослый он и духом, и крепостью плеч. Можно на него положиться и в почном дежурстве, и на таяком перегоне.

— Хорошие у нас парни в селе, и многих из них учила мама. До пенсии она работала в школе, и у Анатолия была первой учительницей. — Татьяна Климова ведет меня к школе. Не увидать ее нельзя — все тропинки и ней.

— Вот и я пойду в педучилище, чтобы мамину «до рожку топтать».

В Седанке быть учителем — это значит быть матерью с очень добрым сердцем. Дети оленеводов живут и учатся в интернате и не видят своих родителей долгие месяцы. Седанка, хоть и

дом оленеводов, да большую часть года пастух Анатолий стал членом Коммунистической партии. Вот и приходится учителям, не скупясь на душевное тепло, растить сельских ребятшек.

У Татьяны, думаю, это получится.

С ней невозможно говорить, иди по улице: поминутно здороваются старые и малые. И это не значит, что они не видели ее сегодня. Просто людям хочется лишний раз выразить свое уважение девушке, секретарю комсомольской организации.

Разговорившись с бывшей чумработницей Эммой Абрамовной Коерковой, я спросила, за что же почитают на селе Татьяну. Оленей она не пасет, кухлянки не шьет, в национальных танцах уступает Маше Икава, да и работа у нее скромная — в детском саду-интернате.

— Таня — комсомол, а это хорошо!

— Почему комсомол — хорошо?

Улыбнулась мудрая старуха:

— Комсомол — молодость, долгая жизнь впереди. И учиться не ленится. Человек ученый на высокой сопке стоит и с той сопки далеко видно...

Быть в Седанке секретарем комсомольской организации трудно. В тебе хотят видеть образ Правды, образ Света, и, конечно, Защитника и Разъяснителя. Тем более, ты человек непринятый, весь род твой жил на этой земле. И узнают в тебе черты прадеда и прабабушки, и идут мудрости не по годам.

— Я не одна со всеми общественными делами справляюсь. Одной тут нельзя...

— В одиночку везде трудно.

— Но у нас, в Седанке, люди, как нигде, друг к другу не жмутся, вокруг-то сопки да тундра, тундра да сопки.

Когда говоришь с Татьяной о недавнем «ситцевом» бале в клубе, о соревнованиях по теннису, волейболу, баскетболу, о диспуте по новой новости, напечатанной в январском номере «Юности» забывается, где ты. Забывается, что в Седанке самые желанные гости — почтальоны. И облик их всегда разный: то это вертолетчик, то матросы натора, то шоферы вездехода или амфибии. А

случается, почту доставляют сюда на лартах, сбрасывая с самолетов.

И часто из-за разгулявшихся снеговых ириид не горит радио, и только в определенные часы бывает электричество. Если у вас возникло впечатление, что Седанка — остров, отчасти это и так. Тундра в затейливом переплетении рек, ручьев, ручьев и ключей — вот такие тридцать километров отделяют Седанку от районного центра Тигиля.

Был воскресный день, и Татьяна пригласила меня на «чаевание». В этот дом, к сожалению, не припомню фамилии хозяев, пришла почти вся молодежь села. Вот Маша Икава и Аня Кегаева. Маша, медсестра, в комитете комсомола села заведует производственным сектором. Легконогая, прыжливая, в ней безошибочно угадывается танцовщица. И как был отвечая на мой вопрос, Таня говорит:

— Мария и Анна у нас лучшие плясуньи. Мария руководит в художественной самодеятельности секцией народного танца, даже пытается импровизировать и ставить их сама.

Если случайно заглянуть в репертуар агитбригады, созданной комсомольцами и молодежью села, то придется опять подойти к окну, чтобы убедиться, что во круг «сопки да тундра: тундра да сопки».

Вот судите сами: выступление вокалистов, хор, танцевальные сценки, чуть ли не маленький балет по мотивам корякских и ительменских сказок, декламация стихов и отрывков из поэмы, цирковые номера. Все это готовится для главных зрителей — оленеводов.

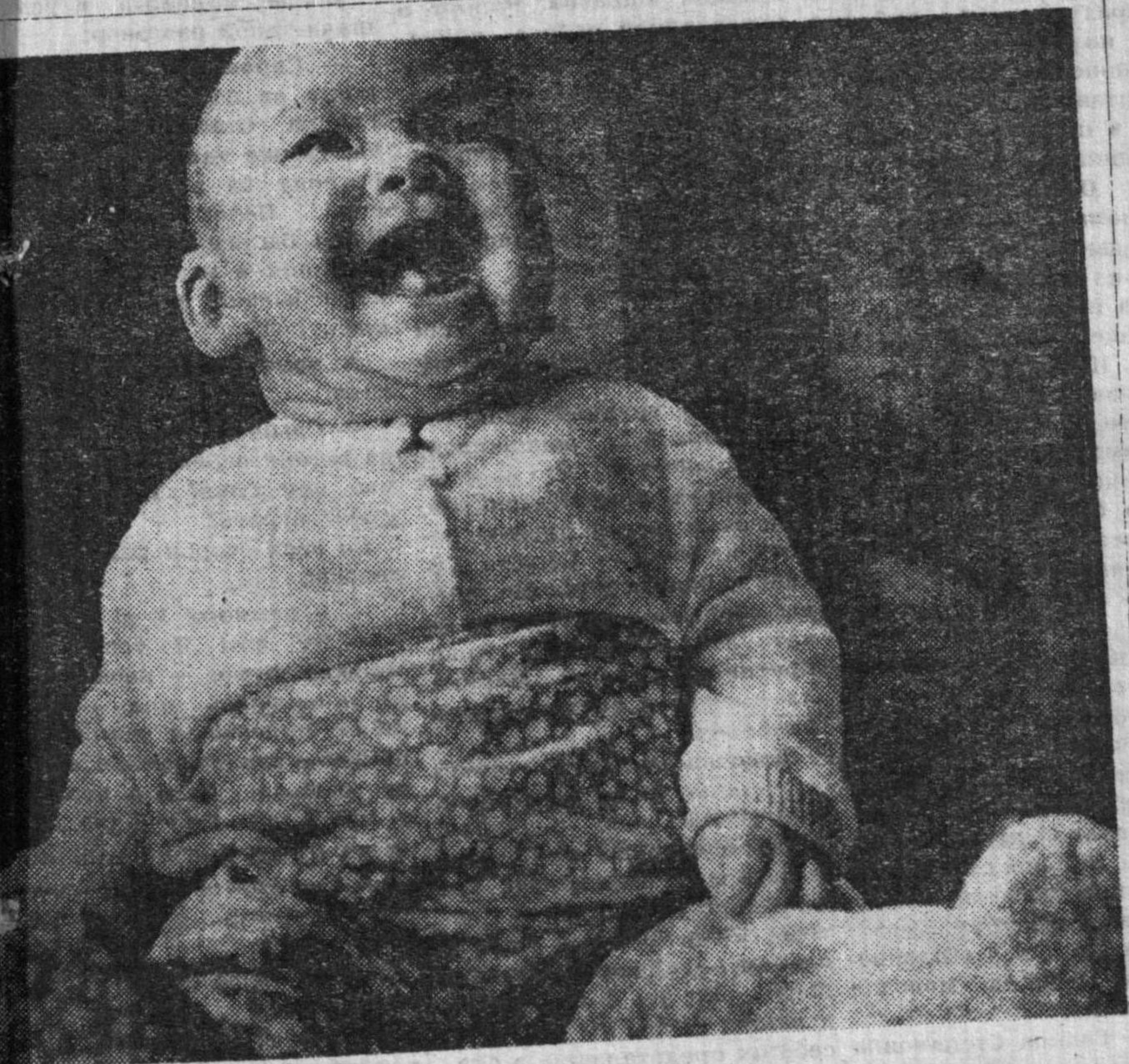
— Жаль, панино разбитое, плохо звучит... — Думаю, что вы, как и я, загляделись бы на говорившую. Это была девушка лет двадцати, удивительно милая, в голубом кримпленовом платье.

Размешивая сахар в чайничке с золотисто-черным узором роз, она продолжала: — Здешие дети чудесно слышат музыку, у них не только абсолютный слух, но и способность к полному отзыву на мелодию... Как это лучше объяснить? — Прищелкнула изящными пальцами:

— Почти в каждой корякской семье есть бубен. И он тут скорее не музыкальный инструмент, а член семьи. Язык ее. Кому-то грустно — снимает бубен, импровизирует... Весело — бубен разделит радость. И дети растут в атмосфере звука. Их благодарно учить музыке, и тому же у них сильные, мелодичные голоса.

Ну, конечно, это Наташа Бутко, о которой я слышала еще в Тигиля, от директора поселковой школы. Приехала она из Краснодарского педучилища, где окончила прошлой весной факультет музыкального воспитания и наотрез отказалась от уроков пения в районном интернате.

(Окончание на 4-й стр.)

Я родилась в Седанке!

ДВА ПОКОЛЕНИЯ СЕДАНКИ

Анатолий Акеев.

Фото Татьяны ШУБИНОЙ.

ской школы, вернулась с благодарностью, с одними отличными оценками.

Анатолий Акеев, двадцатилетний оленевод, родился и вырос в Седанке. И сейчас, в Тигиля, сидит он на скамейке перед домиком райкома, а на лице еще несмышленое волнение, горячий возбужденный румянец.

ЧАЕВАНИЕ

В СЕДАНКЕ

(Оконч. Нач. на 3-й стр.).

— Поеду в Седанку!..

И вот она здесь, и слова ее светлы мечтами:

— Нужен магнитофон, хочу собрать национальные мелодии, обработать их. Это же целый неисследованный мир!..

Разумеется, «двадцати семи килограммов книг», которые привезла с собой Наташа, не хватает:

— Думаю учиться дальше, ведь, чтобы серьезно заняться сбором и обработкой мелодий Камчатки, нужны знания.

Маша Икавава заметила, что я задумалась, и сказала весело:

— А я угадала, о чем вы думаете! Хотите, скажу?.. К нам приезжают в надежде увидеть не дома, а чумы, а их уже лет двадцать как не ставят! Ну и, понятно, хочется, чтобы по улицам проносились аргизы и нарты, чтоб молодежь метала на площади чаут, а старики возле костра пели бы под бубен.

И я засмеялась. Отрицать это было бессмысленно, действительно, во мне жила надежда окунуться в экзотику северного края. Но столкнулась я прежде всего с кругом людей, с миром их вседневных забот, и мир этот был Современен.

— И гонки на оленьих нартах, и национальная борьба — все это есть, но уже

на ярмарках, в дни народных гуляний, — вступила в разговор Зоя Майватова. Она приехала сюда семь лет назад, по распределению. Полюбила Седанку, полюбила ее детей, которым стала воспитательницей - матерью. Младший брат ее мужа-охотника, Сергей Майватов, стал на февральских соревнованиях чемпионом по лазанью на обледенелый столб.

В окно, несмотря на девятый час вечера, обещанием скорых белых ночей гляделось небо. С юга, из-за синих сопок, дула «Камчатка» — многие спешили выстирать белье, чтобы сушилось в теплом ветру.

Прямо передо мной покачивались, поблескивая ворсинками, вывешенные во дворе оленьи шкуры. Рядом, в снегу, играли с ездовой лайкой дети. Разумеется, я не видела этого нигде раньше. И все-таки меня преследовало ощущение повторенного мгновения. Да, вспомнила!..

Несколько месяцев назад я зашла в Москве попрощаться с подругой. Мы сидели на кухне и пили чай из точно таких же вот чашек, с золотисто-черными розами. И так же, как сейчас в Седанке, говорили о своих завтрашних мечтах, тайно надеясь, что они сбудутся щедрее, чем мы думаем.

...Звенящим дождем раскатился смех. Оказывается, за мыслями я и не замети-

ла, как, покончив со своим кусочком хлеба, перешла на соседский. К счастью, подобная история часто случается с гостями Седанки. Хлеб тут необыкновенно вкусный, ручной замески. Печет его молодой кондитер Галя Мартынова, приехавшая в Корякский национальный округ из пропахшей арбузным соком Астрахани.

В первые дни Галина растерялась на новом месте, а тут еще дрожжи неудачные: хлеб садился, прилипал к рукам. Но вскоре Галя узнала печь и подружилась с ней. И стал хлеб — хлебушком. Лучше не придумаешь.

Когда Наташа Будко жила в городе, она не задумывалась, в чем секрет хорошего хлеба. А теперь первая рассказывает об истории с печью.

— Уедешь отсюда?..

— Не намечаю. У нас шутка на этот счет есть: не только Москва от Седанки далека, но и Седанка от Москвы — далековата. Бывшие сокурсницы нам даже завидуют.

НЕ УПОМЯНУТЬ всех разговоров за «чаеванием». Но есть и такие, каких не забыть:

— Красиво с Авалы смотреть на Белград, но перед глазами и там все тундра вставала, красная, осенняя.

— А Люблян помнишь? Там старейший в Европе национальный музей, — подсказывала Вале Притчиной Клава Гвагина. Немалая заслуга Клавы в том, что седанкинские спортсмены награждены Почетной грамотой Центрального совета ДСО «Урожай» за успехи в развитии физкультуры и спорта на селе. Гвагина — ответственная в комитете комсомола за спорт.

Мне не приходилось бывать за границей. Я молчу. Думаю, что на первом месте в этом северном краю стала не его экзотика (хотя природа тут, право же, прекрасна), а люди, чьи просветленные сердца вместили мир...